

Нина АЛОВЕРТ

Первая "ласточка" перестройки

Нью-Йорк. Осень 1986 года. На одной из улиц в районе, который теперь называется Tri Be Ca, стоят, обнявшись, иммигрант из России режиссер Лев Шехтман и драматург из Москвы Григорий Горин — своего рода символ начавшейся в России "перестройки".

Лев Шехтман окончил Ленинградский государственный институт театра, музыки и кинематографии, в 1978 году уехал в Америку. В Нью-Йорке он, как и многие представители творческой интеллигенции "третьей волны" эмиграции, начал заниматься своим делом и довольно быстро вошел в театральный мир Америки. В 1980 году создал свою американскую труппу — явление само по себе уникальное. В 1981-м театральная труппа сыграла первую премьеру в снятом для этого случая помещении. Затем режиссер и актеры своими руками "построили" театральный зал на одной из улиц рядом с Canal Street. Там и работал до 1990 года "Theater in Action" Льва Шехтмана.

В 1986 году Шехтман прочитал в журнале "Театр" пьесу Григория Горина "Дом, который построил Свифт" и загорелся идеей поставить пьесу. Сам Лев, как иммигрант, а потому — "враг народа", в Москву звонить не стал. По его просьбе одна из актрис его труппы обратилась в журнал "Театр" с вопросом: "Нет ли английского перевода пьесы, и нельзя ли получить эту пьесу для постановки?" Из Москвы незамедлительно, одна за другой, пришли пять телеграмм: "Есть несколько переводов пьесы! Пожалуйста, ставьте!"

И прислали перевод, а с ним и драматурга (в составе писательской делегации). Драматург, придя в театр, слегка растерялся. И по-

звонил в посольство (не удивляйтесь, никто еще не понимал ситуацию). "Видите ли, — начал Горин, не зная, как подобрать нужные слова, — здесь режиссер из бывших наших... ну, из эмигрантов..." "Ну и черт с ним", — ответили из посольства. Пьесу приняли к постановке, драматурга еще раз вызвали из Москвы на премьеру. Горин летел в Нью-Йорк на этот раз вместе с Шеварднадзе, Даниловым (американским журналистом, отпущенным на свободу) и телевизионной группой программы "Время". Работники телевидения говорили Горину: "Мы придем снимать премьеру!"

"Понимаете, ребята, — отвечал смущенно Горин, — режиссер — из эмигрантов". "Ну и что, — ликовали телевизионщики, — у нас сейчас другие времена, нам все можно!" Но на спектаклях телевизионная группа не появилась.

После премьеры журналист из престижного журнала "Vanity Fair" брал интервью у драматурга и постановщика. Горин попросил корреспондента не очень подчеркивать то обстоятельство, что Шехтман — эмигрант из России. "Хорошо", — сказал журналист. И материал в журнале напечатан не был: нельзя указывать американскому журналисту, о чем ему писать, о чем не писать...

А спектакль получился прекрасным. Даже посмотрев позднее фильм Марка Захарова, снятый по этой (считаю, самой замечательной) пьесе Горина, я нашла, что многие человеческие и политические аспекты пьесы Шехтман выявил тоньше.

Фотография была сделана в дни премьеры на улице, под вывеской с названием театра. Шехтман и Горин оставались в самых тесных дружеских отношениях с 1986 года до смерти Горина в 2000 году.

Я встречалась потом с Гришей Гориним и в Нью-Йорке, и в России. Однажды, приехав в Москву, я пришла в гости к Горину. Мы пили чай, как полагаются, на кухне. На столе стояла ваза с зефиром. "Что же ты не ешь зефир, — волновался Гриша, — я за ним специально утром в очереди стоял!" Это были 90-е годы...

Я оставалась верным зрителем "Theater in Action" до 1990 года, когда в силу возникших экономических проблем труппа прекратила свое существование.

Фото Нины Аловерт

Галина ВОЛИНА

И вновь про любовь

О ПОСЛЕДНЕМ ПОЭТИЧЕСКОМ СБОРНИКЕ ИГОРЯ ПОТОЦКОГО

С годами самобытный, всегда узнаваемый поэтический язык Игоря Потоцкого, как у всех истинных поэтов, становится всё более виртуозным, оставаясь при этом естественным. Так он мыслит, так чувствует. По-другому не желает и не может. Его стихи организуются, как дыхание. Иногда оно лёгкое и спокойное, озарённое улыбкой, иногда — натруженное, с хрипотцой, порой — страстное, горячее или же едва заметное, сдерживаемое благородным нежеланием выставить свою душу нагой, — да и возможно ли это?

В последней тоненькой книжке (издательство "Симэкс-принт", 2012 год), превосходно проиллюстрированной молодой талантливой художницей Альбиной Ялзозой, собраны стихи, прежде всего, о любви, без которой нет жизни, нет ничего. Кто встречал когда-нибудь поэта, который не воспевал бы любовь? Но что нового можно сказать о ней? Однако изученное, казалось бы, всеми поэтами и прозаиками и даже учёными планеты вечное чувство по-прежнему таит в себе тысячу загадок. Читая лирику Потоцкого, мы пытаемся вместе с ним разгадать это чувство, захваченные не менее загадочным поэтическим потоком.

Средства поэтической речи у Потоцкого менее всего похожи на результат мучительных поисков — так органически пронизывают они ткань его удивительного языка. Разве не поражают нас его необычные образы?

"Океанского сукна буду вечно помнить складки", "Звонким ливнем отупожен за окном шумящий сад", "Я заглядывал в глаза волн", "Море ворочалось, выходя из пролога пьесы, как собачья морда из прутьев оград", "Как неказистая метафора, твоя улыбка проступила", "А ты ко мне сходил медленнее, закутанная в тьму созвучий", "И не выдохнуть мне боль по твоей былой измене", "Все эти скверы и кварталы... в снежки играли снегом талым", "А ты незримо слезою уже стекала по лицу", "Ты, с телом из перламутровых раковин", "Сегодня волны ниже трав и выше облаков", "И жизнь, что выдохла короче, стучит в озябшее окно", "Твои стрекозиные жесты я знаю наперечёт"...

Эта короткая выборка из стихотворений поэта, можно сказать, осуществлена с закрытыми глазами. На самом деле что ни стихотворение — то неожиданные метафоры ("Но мне ты доверяешь тело, в небесный рай со мной летя", "Не сумев поделиться с городом своим горем, все обиды мимоходом отправив на плаху...", "Возвращенье к эпохе топора и кнута, где на траурном вздохе жизнь твоя прожита", "Вот ты сердилась у плиты, и глаза твои налиты тёмной тучей из ста созвучий", "И ты слезой в тумень капала, воспринимая мир всерьёз, а я вновь угорал от запаха твоих размятых волос"), эпитеты ("Слишком много неласковых окон", "колоколов многоярусный молбен", "Печалей робкий сгусток", "Как ветер на дворе жесток, как безрассуден, глуп", "Из рокового света медного ты появилась..."), сравнения ("Безумие ласкать твоё тело, будто звездную карту, будто колокольный звон — ты долго звенела, как секундами одна минута", "Без улыбки по ровному дню я иду, будто камень ко дну", "Подом мною шумело море надоедливо, как по городу злые сплетни...", "задохнуться стихом, как волной морскою", "И как на тёмном небе звёзды схожи — одну не отличаем от другой, так женщины между собой похожи своей обидой и своей бедой"), олицетворения ("Кисточка жизни рисует зданья, тропинки, поединки зимы и весны, травинки..."), "Несётся, словно всадник, над морем лунный лучик, что свой мундир парадный надел на всякий случай", "Пишет письмена луна, словно формулы в тетрадке", "Оно (письмо) минует сто держав, луч солнечный зажав, явив свой бесшабашный нрав, к твоей руке припав").

А какая звукопись? ("На языке листвы и трав из сорока дубрав", "Незнакомки вкривь и вкось по судьбе моей чертили. Приходили, уходили, провозьмать мне их пришлось. Уходили, голоса, причитали осторожно. Можно, хоть и очень сложно, вспомнить все их голоса...", "Зачем так горячо в июле солнце светит, когда уходит прочь последний луч луны?", "Скользит кораблик по реке накоротке с волной, скользит кораблик налегке, все беды — за кормой".)

Стихи Потоцкого надо читать для воспитания сердца. И вы узнаете, что любовь для поэта — чувство, уходящее в космос, хотя её земной адрес — известный всему миру город у Чёрного моря, колыбель поэтов и музыкантов; что любовь есть музыка и свет в пространствах обычной квартиры — и Вселенной; наслаждение — и мучительная боль одиночества, которое учит понимать суть вещей; страдание от невозможности полного слияния, нескончаемое преодоление душевного несходства — и светлая радость прощения и примирения.

Вы услышите непрерывную музыку в стихах поэта не просто потому, что само звучание слов нарочито музыкально при всём разнообразии стихотворной формы (он пишет и метрические, и дисметрические стихи), но и потому ещё, что Потоцкий вовлекает в образный строй своей поэзии музыкальную тему, близкую его сердцу ("И накачивались, как волны, глаза твои, губы, плечи, руки, как накачиваются валторны и виолончели тягучие звуки", "Играет прекрасная полька этюд, что течёт, как слеза", "Ветром найден ключ скрипичный, и звучит вновь героичный и возвышенный мотив", "Шопена лепится этюд на плоскости стены, а пальцы длинные твои тоскливо сплетены"). И вряд ли могло быть иначе: ещё в юные годы прекрасной музыкой навсегда забрала его в плен единственная муза поэта, красавица жена, композитор и пианист Людмила Самодаева — источник вдохновения. В любовной лирике Потоцкого нет и намёка на искусственный экстаз, в каждом стихотворении — поэтическая подлинность.

Через любовную лирику Игорь Потоцкий умеет без всякой натяжки выразить своё отношение к современному обществу, к любимому городу, к природе, к предназначению поэта. Язык его допускает бесчётное количество сочетаний и комбинаций, соединений как будто несоединимого. Но у настоящего поэта своя, особенная, логика, и мы с изумлением и радостью постигаем её, понимая, что перед нами — замечательный русский поэт из Одессы со своим неповторимым голосом.

Москва.

Леонид Гервиц
...и уже позабыть не смог

Я хочу умереть внезапно на пути из страны в страну, чтоб не знал ни восток, ни запад, что я умер в ту ночь одну.

Не надеюсь на послесмертье, на какую-то жизнь в веках, я хочу умереть, как ветер затихает в седых песках.

И когда, превращенный в пепел, я пополнил молекул рой, и когда то ли был, то ли не был, стал долиной или горой,

ты одна будешь помнить точно, что на свете однажды жил человек неудобный очень, гряда мяса, костей и жил.

Что носился он неприкаянный то на запад, то на восток, и тебя повстречал нечаянно, и уже позабыть не смог.

Нью-Йорк.

